

Энтони Бивор

**ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА В ИСПАНИИ
1936–1939**

Колibri
МОСКВА

УДК 94(460)
ББК 63.3(4Исп)6
Б59

Antony Beevor
THE BATTLE FOR SPAIN
The Spanish Civil War 1936–1939

Перевод с английского Аркадия Кабалкина

Бивор Э.

Б59 Гражданская война в Испании 1936–1939 / Энтони Бивор ; пер. с англ. А. Кабалкина. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 720 с. : ил.

ISBN 978-5-389-12292-5

Гражданская война в Испании – одно из самых противоречивых событий в мировой истории. Многие видят в ней начало Второй мировой войны. Некоторые сторонники республики по-прежнему считают, что победа левых в Испании стала бы поражением фашизма и спасла бы Европу от последовавших ужасов. Националисты же утверждают, что гражданская война на самом деле была началом холодной войны между западной цивилизацией и советским режимом.

Энтони Бивор проливает свет на ход войны, которая разрушила Испанскую республику и стала крушением надежд целого поколения, а также фиксирует противоречия враждебных сторон, предоставляя читателю уникальную возможность самому анализировать историческую ситуацию того времени, опираясь на обширнейший фактологический материал и свидетельства очевидцев.

«Испанская гражданская война остается одним из немногих конфликтов современной эпохи, история которого лучше описана проигравшими, чем победителями. Это неудивительно, если вспомнить то чувство надвигающейся катастрофы, в котором пребывал весь мир весной 1939 года после разгрома республики. Гнев усилился после 1945 года, когда одновременно с разоблачением преступлений нацистской Германии генерал Франко проявлял неслабеющую, маниакальную мстительность в отношении побежденных республиканцев.

Молодым поколениям трудно представить, чем в действительности была жизнь в ту эпоху тоталитарного конфликта. Идеалы коллективизма, присущие прежде и армии, и политическим молодежным движениям, и профсоюзам, ныне потерпели крах. Кипучий котел страха и ненависти в ту эпоху был крайне далек от атмосферы безопасности, гражданских свобод, торжества прав человека, в которой мы живем сегодня. Взирая из настоящего в прошлое, мы видим не просто другое время, но и совершенно другую страну: за прошедшие десятилетия Испания изменилась до неузнаваемости. Ее прощание с эрой Франко и гражданской войны стало одной из самых поразительных и впечатляющих трансформаций во всей Европе. Поэтому, возможно, не стоит пытаться смотреть на страшный конфликт многолетней давности через призму либеральных ценностей, ставших нормой для нас сегодняшних. Необходимо включить воображение, совершить прыжок в прошлое, чтобы попытаться понять взгляды и настроения тех лет...»

Э. Бивор

УДК 94(460)
ББК 63.3(4Исп)6

ISBN 978-5-389-12292-5

© Фото на обложке Juan Guzmán/United Archive AG/VostockPhoto

© Фото автора на обложке John Fry

© Antony Beevor, 2006

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017
КоЛибри®

Оглавление

Вступление	9
------------------	---

Часть первая. Старая Испания и Вторая республика

Глава 1. Их католические величества	17
Глава 2. Король уходит	29
Глава 3. Вторая республика	45
Глава 4. Народный фронт	69
Глава 5. Роковой парадокс	85

Часть вторая. Война двух Испаний

Глава 6. Мятеж генералов	101
Глава 7. Борьба за контроль	125
Глава 8. Красный террор	140
Глава 9. Белый террор	152
Глава 10. Зона националистов	164
Глава 11. Зона республиканцев	175
Глава 12. Африканская армия и Народная милиция	195

Часть третья. От гражданской войны — к войне держав

Глава 13. Оружие и дипломатия	219
Глава 14. Суверенные государства	237
Глава 15. Советский Союз и Испанская республика	250
Глава 16. Интернациональные бригады и советские советники	263
Глава 17. Битва за Мадрид	278

Часть четвертая. Мировая война «по доверенности»

Глава 18. Метаморфозы войны	311
Глава 19. Битвы на Хараме и за Гвадалахару	339
Глава 20. Война на севере	360
Глава 21. Пропагандистская война и интеллектуалы	385

Часть пятая. Внутренняя борьба

Глава 22. Схватка за власть	409
Глава 23. Гражданская война внутри гражданской войны	424
Глава 24. Битва при Брунете	441
Глава 25. Республика в осаде	462
Глава 26. Война в Арагоне	472
Глава 27. Гибель Северного фронта и республиканского идеализма ...	482

Часть шестая. На пути к катастрофе

Глава 28. Теруэльская операция и «победоносный меч» Франко	499
Глава 29. Крушение надежд на мир	523
Глава 30. Arriba Euzkai!	543
Глава 31. Сражение на Эбро	557
Глава 32. Республика и кризис в Европе	574
Глава 33. Падение Каталонии	590
Глава 34. Гибель республики	610

Часть седьмая. Vae Victis!

Глава 35. Новая Испания и франкистский ГУЛАГ	633
Глава 36. Беженцы и Вторая мировая война	647
Глава 37. Незаконченная война	661
Глава 38. Проиграли все	669
Приложения	681

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**СТАРАЯ ИСПАНИЯ
И ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА**

Глава 1

Их католические величества

На немощеной дороге то ли в Андалусии, то ли в Эстремадуре сломался один из первых в Испании автомобилей. Молодой человек на фотографии вцепился в руль. Он некрасив: носат, ушаст, расчесанные на прямой пробор напомаженные волосы, усики.

Водитель — это король Альфонсо XIII.

С обеих сторон в крылья автомобиля упираются мужчины. У них сильно загоревшие лица, одеты они небрежно — ни воротничков, ни галстуков. Они стараются изо всех сил. На заднем плане — трое-четверо наблюдателей в костюмах и шляпах. Рядом придержал свою лошадь всадник — вероятно, местный землевладелец. Справа коляска, запряженная двумя лошадьми, с кучером в ливрее — в резерве на случай, если машина не заведется.

Судя по подписи к снимку, величайшее желание короля — поддерживать «непосредственный контакт со своим народом». Редко какой эпизод столь явно демонстрирует социально-экономические контрасты в Испании начала XX века. Но самое поразительное на этом снимке — крестьяне и король определенно выглядят друг для друга чужаками в своей собственной стране...

Испания с ее строгими традициями верховенства Мадрида становилась в то время все более беспокойным местом, как в провинции, так и больших городах. Поэтому даже

самые осторожные историки не могли потом сказать, что гражданская война в Испании началась в июле 1936 года просто как мятеж генералов-«националистов» против республиканского правительства. Это событие стало апогеем давнего противостояния сил, преобладавших в испанской истории. Один из главных конфликтов, несомненно, лежал в сфере классовой борьбы, но не менее важны были и два других противоречия: между авторитарным правлением и инстинктом свободолюбия и между центральной властью и надеждами регионалистов.

Все три конфликта берут начало в испанской Реконкисте, борьбе за освобождение от мавров, заложившей основы как Испанского государства, так и мировоззрения завоевателей-кастильцев. Первыми бороться с арабами-маврами начали военные вожди вестготов в VIII веке, а завершилась Реконкиста триумфальным вступлением в Гранаду Изабеллы Кастильской и ее супруга Фердинанда Арагонского. Для испанского традиционалиста это событие стало кульминацией долгого крестового похода и началом цивилизационного преобразования страны. Идеями этого движения был пронизан альянс 1936 года, не перестававший прославлять католических монархов Фердинанда и Изабеллу и называвший свою собственную борьбу «Второй Реконкистой», в которой роль современных варваров была присвоена либералам, «красным» и сепаратистам.

Опираясь на феодальную армию, прототип государственной власти, монархия и военная аристократия овладевали страной в борьбе с арабами. Для продолжения Реконкисты аристократия нуждалась не только в провианте, но и в деньгах. Основным источником денег могла стать шерсть овец-мериносов. Под пастбища захватывались общественные земли, что вело к катастрофическим последствиям для земледелия, к эрозии почв и к гибели былой «житницы Римской империи». Для овцеводства требовалось немного людей, и единственной альтернативой голоду была армия, а позже — империя. В Средние века население Испа-

нии составляло примерно 14 миллионов человек, а к концу XVIII века оно сократилось до 7 с небольшим миллионов.

Развитие кастильского авторитаризма шло от военного феодализма к политическому контролю над Церковью. Все семь беспокойных веков Реконкисты роль Церкви в основном сводилась к пропаганде военных действий и непосредственному участию в них. Позже, в правление Изабеллы, на смену фигуре архиепископа-воина пришел кардинал-политик. Однако в процессе быстрого роста испанской империи связь между Церковью и армией не прерывалась, и образ распятия, слившийся воедино с крестовиной меча, отбросил тень на половину мира. Армия завоевывала, а Церковь — интегрировала новые территории в Кастильское государство.

Власть, угнетавшая население, была непреодолимой силой, подкрепленной угрозами ада и его земного преддверия — инквизиции. Одного доноса, даже нашептывания завистливого недруга-анонима бывало достаточно, чтобы за дело взялась Святая канцелярия; вырванные перед аутодафе публичные признания были кошмарным прообразом будущих судилищ в тоталитарных государствах. Кроме того, Церковь держала под контролем все, относившееся к знанию и просвещению, властвовала над мыслями всего населения, предавая огню книги в пылу искоренения религиозной и политической ереси. Та же самая Церковь превозносила такие кастильские доблести, как равнодушие к тяготам и хладнокровие пред лицом смерти. «Лучше быть голодающим кабальеро, чем жирным торгашом» — такова была ее идеология.

В особенности усердствовал в продвижении этой испанской версии католического пуританизма кардинал Хименес де Сиснерос, монах-аскет, ставший благодаря Изабелле могущественнейшим государственным деятелем своего века. В сущности, это была внутренняя реформация. Власть папы римского отвергалась из-за ее алчности, Испания же таким образом брала на себя роль спасительницы Европы от ереси, а католицизма — от его собственной слабости. В результате духовенство практиковало то, что проповедовало, — за ис-

ключением всепрощения и братской любви — и порой выносило решения об отчуждении собственности, иногда не менее подрывные, чем первоначальное учение. Тем не менее Церковь выстроила духовный фундамент социальной структуры Кастилии, будучи самой авторитарной силой ее укрепления.

Третий конфликтный узел — централизм против регионализма — тоже завязался в XV–XVI веках. Первое крупное выступление против объединенных королевств имело явный оттенок регионализма. Восстание комунерос, кастильских самоуправляемых городов, против внука Изабеллы императора Карла V в 1520 году было вызвано не только превращением страны в главный источник дохода для всей империи и высокомерием фламандских вельмож, но и презрением власти к местным правам и обычаям. Через монаршие браки большая часть страны была включена в состав Кастильского королевства; в качестве веревки, стягивавшей империю в единый сноп, испанские Габсбурги использовали Церковь.

Три ствола мощного древа Кастильского государства — феодализм, авторитаризм и централизм — были тесно переплетены между собой. Особенно явственно это проявлялось в региональном вопросе. Кастилия принесла в Испанию централизованную власть, построила империю, однако ее правители упорно отказывались признавать, что феодальные экономические отношения устаревают. Войны в Северной Европе, борьба с французами в Италии и гибель Великой армады свидетельствовали о том, что императорская власть, выросшая менее чем за два поколения, почти сразу начала приходить в упадок. Кастилия демонстрировала несгибаемую гордость обедневшего аристократа, который упорно кичится своим былым величием, не замечая мерзость запустения в своем обветшалом замке. Близорукость, позволявшая заметить лишь желаемое, превратила Кастилию в наглухо закрытый дом, заполненный затхлостью. Кастильцы отказывались понимать, что накопленные Церковью богатства из Америки лежат мертвым грузом, а огромное количество бесполезного золота только подрывает экономику страны.

Вошедшая в состав Арагонского королевства в Средние века Каталония сильно отличалась от остального полуострова — и неудивительно, что впоследствии между Мадридом и Барселоной возникли трения. Раньше каталонцы пользовались в Средиземноморье значительным влиянием, власть их распространялась на Балеарские острова, Корсику, Сардинию, Сицилию и герцогство Афинское. Но вследствие того, что экспедицию Колумба финансировала Изабелла Кастильская, а не Фердинанд Арагонский, они так и не получили никаких преференций после открытия Америки.

В 1640 году Каталония и Португалия восстали против Филиппа IV Испанского и его первого министра, графа-герцога де Оливареса. В результате этого Португалия добилась независимости, а Каталония признала своим королем Людовика XIII Французского. Однако в 1652 году Филипп IV снова захватил Барселону.

После смерти последнего испанского Габсбурга в 1700 году, во время Войны за испанское наследство, Каталония встала на сторону Англии в борьбе с внуком Людовика XIV, Филиппом Анжуйским. Но англичане, заключив Утрехтский мирный договор, предали каталонцев: Филипп V Бурбон положил конец правам Каталонии, потерявшей в 1714 году часть своей территории. Напоминанием каталонцам о владычестве Мадрида стала вознесшаяся над городом крепость Монтжуик — ее строительство стало для Филиппа началом воплощения в жизнь централистских идей его деда, «короля-солнца». Объединяющая сила Церкви ослабла, и монархия, стремившаяся держать в узде не только кастильцев, нуждалась в новой центростремительной силе. Баскский философ XX века Мигель де Унамуно, не связанный с сепаратистами, писал, что «целью было единство, и более ничего; единство, душащее малейшее своеобразие и отличие... Такова догма непогрешимости владыки». Но беспощадность не решала проблему, а только множила причины для будущих смут.

Отсталость испанской торговли в XVII–XVIII веках объяснялась главным образом политикой католической цер-

кви, цеплявшейся за средневековые понятия о ростовщичестве. Кодекс идалго (испанского дворянина) заставлял его презирать деньги вообще, и в особенности — любую деятельность, приносящую прибыль. Перепись 1788 года показала, что около 50 процентов взрослого мужского населения вообще не участвуют в какой-либо производственной деятельности. Армия, Церковь и, главное, многочисленная знать висели на шее большинства населения тяжким грузом. Видимо, именно эта статистика и породила крылатую фразу: «Одна половина Испании ест, но не работает, а другая — работает, но не ест».

Реакцией на отставание Испании в торговле и на негибкость действующего порядка стала «революция среднего класса», опередившая всю остальную Европу. В середине XVIII века, при Карле III, под влиянием Просвещения ненадолго были облегчены сковывающие общество кандалы: реформы резко ограничились влиянием Церкви на армию, многие офицеры вступили в масонские общества. Это антиклерикальное и одновременно политическое движение было тесно связано с развитием либерализма в крохотной прослойке испанских профессионалов — «среднем классе» той эпохи. В начале XIX века в результате войны за независимость против армий Наполеона либерализм уже превратился в весьма влиятельную силу. Народные волнения сбросили с трона трусливого Карла IV, смотревшего сквозь пальцы на казнокрадство и скандальные выходки своего фаворита Мануэля Годоя, впустившего в страну французскую армию. Наполеон отказался признать наследника Карла, Фердинанда VII, после чего немалая часть испанской аристократии перешла на сторону оккупантов.

Казни, устроенные в Мадриде Мюратом, привели к стихийному народному выступлению 2 мая 1808 года, когда восставшие бесстрашно набросились с кинжалами на мамлюкскую кавалерию французского императора. «Язва Наполеона», как прозвали это восстание, стала первой полномасштабной партизанской войной Нового времени; при

обороне Сарагосы пало 60 тысяч испанцев¹. С каждым днем в народе крепла воля к сопротивлению, немалую роль в этом играли либеральные армейские офицеры, особенно в местных хунтах² обороны.

Традиционная структура управления «Старой Испании» потерпела первое официальное поражение в 1812 году, когда Центральная хунта обороны провозгласила Кадисскую конституцию, опиравшуюся на либеральные принципы среднего класса. Эта возможность избавиться от давящих ограничений монархии и Церкви побудила многие города и провинции объявить себя самоуправляющимися кантонами Испанской федерации. Но ветер перемен быстро стих: Фердинанду VII позволили вернуться к власти с условием принятия Конституции. Впоследствии он нарушил свое слово и обратился за помощью к Священному союзу, в рамках которого французский король Людовик XVIII отправил в 1823 году армию «Ста тысяч сыновей Людовика Святого», чтобы раздавить испанское свободолюбие. Фердинанд распустил либеральную армию и возродил инквизицию, чтобы покончить со «зловредной манией мыслить».

В XIX веке Испания продолжала страдать от конфликта между либерализмом и традиционализмом. Наследницей Фердинанда, умершего в 1833 году, стала малолетняя Изабелла II. Либеральная армия поддержала ее восхождение на престол (а впоследствии — превратилась в крупнейшего «поставщика» королевских фаворитов).

Предводителем традиционалистов стал брат Фердинанда Дон Карлос, тоже претендовавший на трон (его сторонники вошли в историю как «карлисты»). Главной силой карлистов были мелкие земельные собственники Пиренеев, особенно Наварры; его последователи прославились своим

¹ По данным историков, из 54 тыс. жертв только около 20 тыс. пали в сражении: большая часть горожан (около 34 тыс.) стала жертвами чумы. (Прим. ред.)

² В испанском языке слово «хунта» достаточно нейтрально означает «союз», «объединение». (Прим. ред.)

фанатизмом и свирепым неприятием всего современного. В Первой карлистской войне (1833–1839) на стороне либералов дрался британский 10-тысячный Вспомогательный легион под командованием офицеров регулярной армии. Спустя сто лет новая гражданская война тоже привлечет иностранных добровольцев, но к тому времени у британских правящих кругов полностью иссякнет охота к подобному альтруизму. Восхищение байроновской романтикой восстаний сошло на нет после 1918 года, с волной социалистических революций и с признанием ужасов войны.

Вольнодумствующий либерализм, пропитывавший испанский офицерский корпус, в котором неуклонно росла доля среднего класса, пошел на убыль. Либералы получили доход от продаж церковных земель и превратились в реакционную крупную буржуазию. Правительства в Мадриде были коррумпированы, и генералы явно находили удовольствие, свергая их одно за другим. Это был век военных переворотов, получивших название «пронунсиаменто»¹, потому что генералы, выведя на улицу войска, произносили длинные речи, в которых провозглашали себя диктаторами — спасителями страны. С 1814 по 1874 год было 37 попыток переворота, из них 12 удались².

Крен страны становился все опаснее, она все больше беднела, а королева Изабелла тем временем перебирала и дегустировала своих гвардейцев. В 1868 году, когда она назначила своим любовником человека, не одобренного армией, ее наконец-то свергли. Преемником Изабеллы через два года выбрали Амадео Савойского, но его искренности и доброй воли не хватило для поддержки населения, измученного монархией. За его отречением в 1873 году последовало голосование в кортесах, учредившее республику.

Первая республика просуществовала считанные месяцы: ее федералистская программа включала такую популярную

¹ От *исп.* pronunciamiento — «провозглашение». (*Прим. ред.*)

² Об этих событиях в испанской армии см.: *Julio Busquets. El Militar de Carrera en España.* Barcelona, 1971. P. 56–61.

меру, как отмена воинского призыва, но уже через несколько недель после первых выборов одиночные бунты карлистов переросли в полномасштабную гражданскую войну, и правительству пришлось отказаться от этого важного обещания. Самыми боеспособными войсками карлистского претендента на трон стали выносливые католики-баски, первоначально вдохновлявшиеся сепаратистской идеей сбросить иго Мадрида. Испанские монархи были лишь номинальными правителями баскских провинций, составлявших *senogio* и никогда, в отличие остального полуострова, не подчинявшихся центральной власти.

Генералы видели главную роль армии в укреплении единства Испании, особенно после утраты американских владений. Как кастильских централистов, их страшила перспектива отделения Страны Басков и Каталонии на пиренейской границе. Кроме того, они были непримиримыми противниками федерализма, поэтому после провозглашения в других частях страны самоуправляемых кантонов они без колебаний подавляли выступления против Мадрида, как и волнения карлистов и басков. В итоге республике быстро пришел конец.

Консервативный политик Кановас дель Кастильо¹ планировал реставрацию Бурбонов после свержения Изабеллы. Кроме того, он хотел создать устойчивое правительство и вернуть армию в казармы. Обе эти цели были достигнуты с провозглашением королем Альфонсо XII в конце 1874 года. Альфонсо был сыном Изабеллы (соответственно, вероятнее всего, в его жилах текла кровь кадровых военных), но на тот момент он числился всего лишь курсантом британской военной академии Сэндхерст.

По конституции Кановаса, продержавшейся почти полвека, Церкви и землевладельцам возвращалось утраченное влияние: не собираясь с ним вновь расставаться, они беззастенчиво манипулировали выборами. Крестьянам и аренда-

¹ Возглавлял правительство Испании в 1875–1881, 1884–1885, 1890–1892 и 1895–1897 гг. (*Прим.ред.*)

торам приходилось либо голосовать по указке землевладельцев, либо лишаться своих наделов.

Предвыборные кампании проходили под полным контролем вооруженных банд, известных как «отряды с дубинками», — их снаряжали влиятельные местные политики (*casiques*). Если же и это не помогало, то заполненные избирательные бюллетени уничтожались или подменялись. Политическая и экономическая коррупция растекалась из Мадрида по всей стране такой мощной волной, которой не знали предыдущие столетия. Суды были низведены до состояния деревенских трибуналов, где ни один бедняк не мог рассчитывать на разбор его дела, не говоря о том, чтобы добиться справедливости.

Несмотря на острое соперничество либералов и консерваторов в провинциях, в столице их лидеры достигли «джентльменского соглашения». Когда возникала необходимость в непопулярном решении, консерваторы подавали в отставку, и им на смену приходили либералы, почти неотличимые от своих оппонентов. Две партии смахивали теперь на двух деревянных болванчиков, а любой умник, пусть даже аристократ, обличавший коррупцию, считался предателем и подвергался травле. Той же самой троице — армия, монархия, Церковь, — что создала империю, суждено было теперь находиться у власти при ее крушении. В 1898 году армия потерпела позорное поражение в Испано-американской войне, страна потеряла Кубу, Филиппины и Пуэрто-Рико. Офицеры распродали почти весь предназначавшийся для солдат провиант и обмундирование.

Но даже завершившееся грандиозным провалом на Кубе в 1898 году жалкое повторение Реконкисты не заставило правителей Испании отказаться от близорукого самодовольства. Они были не в состоянии согласиться с тем, что одержимость империей разоряет страну: этим они покусились бы на такие краеугольные камни, как аристократия, Церковь и армия. Это нежелание смотреть в глаза правде сталкивало их с быстро растущими новыми политическими силами, ко-

торым, в отличие от либерализма начала XIX века, не было места в правящей структуре. Несовместимость «Вечной Испании» с этими новыми политическими движениями привела к столкновению, позднее разорвавшему страну.

... Альфонсо XIII, владелец сломавшегося автомобиля, стал королем в 1902 году в возрасте 16 лет. В начале XX века бедность была столь велика, что только за первое десятилетие больше полумиллиона испанцев (при населении страны в 18,5 млн эмигрировало в Новый Свет. Средняя продолжительность жизни составляла 35 лет — столько же, сколько в эпоху Фердинанда и Изабеллы. Уровень неграмотности, значительно колебавшийся в различных областях страны, в среднем равнялся 64 процентам. Три четверти трудоспособного населения Испании все еще работали на земле.

Но проблема не сводилась к правам собственности и к трениям между землевладельцами и безземельным крестьянством. Качество жизни и труда среди пяти миллионов фермеров и крестьян резко различалось в зависимости от региона. В Андалусии, Эстремадуре, Ла-Манче сельское хозяйство оставалось примитивным, трудоемким и неэффективным. В других областях — Галисии, Леоне, Старой Кастилии, Каталонии и на Севере — мелкие собственники трудились на своей земле, проявляя суровую приверженность независимости, а богатые приморские равнины Леванта и вовсе являли собой лучший, возможно, пример интенсивного хозяйствования во всей Европе¹.

На промышленность и горнодобывающую отрасль приходилось только 18 процентов рабочих мест, несколько меньше, чем на бытовое обслуживание и другие сферы услуг².

¹ 78,7% хозяйств в Галисии имели площадь менее 10 га. На долю крупнейших (более 100 га) хозяйств приходилось 52,4% земель. См.: *Edward Malefakis. Reforma agraria y revolución campesina en la España del siglo XX. Barcelona, 1971.*

² Эта статистика взята из: *Albert Carreras, Xavier Tafunell. Historia económica de la España contemporánea. Barcelona, 2004; Manuel Tuñón de Lara (ed.). Historia de España, Vol. VIII. Revolución burguesa o oligarquía y*

Главными статьями испанского экспорта были продукция сельского хозяйства, особенно из плодородных прибрежных окрестностей Валенсии, и в значительно меньшей мере — полезные ископаемые. Но после окончательного распада империи деньги потекли на родину, что, наряду с другими вложениями капитала из Европы (прежде всего из Франции), вызвало банковский бум, во время которого было создано большинство действующих по сию пору крупнейших испанских банков¹. Правительство субсидировало развитие промышленности, следствием чего стало появление крупных состояний, особенно в Каталонии.

В Первую мировую войну страна сохраняла нейтралитет. Экспорт сельхозпродукции, производство сырья и рост промышленного производства в военное время, породившие тысячи новых предприятий, создали видимость экономического чуда. Новое процветание вылилось в рост рождаемости, последствия чего дали о себе знать спустя двадцать лет, в середине 30-х годов. Платежный баланс Испании был настолько благоприятным, что золотой запас страны рос как на дрожжах². Но война закончилась, а вместе с ней пришел конец и экономическому чуду. Правительства мирного времени вернулись к политике протекционизма, а одновременно с ростом ожиданий нарастали безработица и разочарованность.

constitucionalismo (1843–1923). Barcelona, 1983; *Jordi Palafox*. Atraso económico y democracia. La Segunda República y la economía española, 1892–1936. Barcelona, 1991; и *Mercè Vilanova, Xavier Moreno*. Atlas de la evolución del analfabetismo en España de 1887 a 1981, Ministerio de Educación y Ciencia. Madrid, 1992.

¹ См.: *Carreras, Tafunell*. Historia económica de la España contemporánea. Op. cit. P. 201–204. Банки так активно участвовали в финансировании промышленных компаний, что в 1921 г. семь крупнейших испанских банков контролировали половину капитала всех испанских акционерных компаний.

² Прибыли компаний достигли 4 млрд песет. Большая их часть, конвертированная в золото, хранилась в Банке Испании. См.: *Francisco Comín*. Historia de la hacienda pública, II (España 1808–1995). Barcelona, 1996. P. 81, 133.

Глава 2

Король уходит

Первая попытка организовать в Испании подобие профсоюза относится к 1830-м годам. В середине XIX века в стране существовало небольшое количество мелких объединений, не занимавшихся политикой. Потом стали укorenяться занесенные из-за Пиренеев новые политические идеи. Первой ласточкой стала анархическая, или «либертарная», форма социализма, фундаментальные разногласия adeptов которой с марксистами имели для Испании огромные последствия. К приезду в Испанию Джузеппе Фанелли¹ в 1868 году в стране уже появились первые переводы Прудона, сделанные Пи-и-Маргалем², президентом Первой республики. Фанелли был поклонником Бакунина, крупнейшего оппонента Маркса в Первом интернационале. Он появился в Мадриде, совершенно не владея испанским языком, без денег — зато его идеи принимались на ура. За

¹ Фанелли Джузеппе (1827–1877) — итальянский революционер-анархист, последователь Бакунина. «Испанское турне» 1868 г. стало высшей точкой его карьеры (*Прим. ред.*)

² Пи-и-Маргаль Франсиско (1824–1901) — глава исполнительной власти и правительства во времена Первой испанской республики. Автор большого количества трудов; также выполнял обязанности редактора и директора в разных газетах. Благодаря своей незапятнанной биографии, порядочности и преданности политическим идеалам стал одной из ключевых фигур испанской демократической традиции. (*Прим. ред.*)

четыре года в Испании (в особенности в Андалусии) появилось почти 40 тысяч бакунинцев.

Ранний анархизм стал мощнейшей силой в испанском рабочем классе по нескольким причинам. Предложенная им структура свободно образующихся коммун-кооперативов отвечала глубоко укорененным традициям взаимопомощи, а организационный федерализм был близок антицентралистским чувствам испанцев. Кроме того, он являлся сильной моральной альтернативой продажной политической системе и лицемерной Церкви.

Многие указывают на наивный оптимизм, с которым принимали анархизм безземельные крестьяне Андалусии. Сохранилось множество свидетельств того, что это учение распространяли аскеты, почти святые люди, и новообращенные отказывались от табака, спиртного и супружеской неверности (отвергая при этом официальный брак), — в результате этого анархизм часто воспринимался как «светская религия». Ранний анархизм набирал популярность столь стремительно, что многие новообращенные увидели в свободе и во взаимопомощи единственную основу для естественно организованного общества — и сочли, что не заметить этого может только слепой. По их мнению, восстание непременно должно было открыть людям глаза, высвободить огромный потенциал доброй воли и то, что Бакунин называл «стихийным творчеством масс».

Уныние от неспособности «отпереть механизм истории», как назвал это русский писатель Виктор Серж¹, привело в 1890-е годы к актам индивидуального политического террора. «Тигры-одиночки», как называли их собратья-анархисты, либо действовали в надежде побудить других последовать их примеру, либо мстили за жестокость тайной полиции *Brigada Social*, не разбиравшей правых и виноватых. Самый известный пример — смерть в 1892 году не-

¹ Под этим псевдонимом скрывался Виктор Львович Кибальчич (1890–1947) — русский и франкоязычный писатель, революционер, деятель коммунистической партии и Коминтерна. (*Прим. ред.*)

скольких анархистов, замученных в замке Монтжуик в Барселоне. Это вызвало волну возмущения в мире и убийство «отца» Реставрации Кановаса дель Кастильо. Возник порочный круг репрессий и мести.

В последней четверти XIX века медленно развивалось марксистское крыло социалистов, прозванное оппонентами «los autoritarios». После падения Парижской коммуны, в конце 1871 года, в страну приехал зять Карла Маркса Поль Лафарг: уже на следующий год в Мадриде были заложены основы испанского марксизма.

Относительный неуспех марксистов был отчасти вызван их ставкой на централизованное государство. Социалисты под руководством Пабло Иглесиаса, наборщика, превратившегося в ведущего испанского марксиста, действовали осторожно, сосредоточившись на создании организации. В 1879 году они основали Испанскую социалистическую рабочую партию (ИСРП), в 1888 году — собственный Всеобщий союз трудящихся (ВСТ). Иглесиас продолжал настаивать на умеренности и эволюционном характере классовой борьбы (ИСРП официально отказалась признавать монархию только в 1914 году). Своих соперников-анархистов социалисты обвиняли в «безответственности», сами же все чаще навлекали на себя обвинения в бюрократизме и даже получили прозвище «испанские пруссаки».

Другая причина медленного развития социалистического движения в преимущественно крестьянском обществе вытекала из презрения Маркса к крестьянству и к тому, что он называл «идиотизмом деревенской жизни». По его убеждению, капитализм суждено было свергнуть созданному самим капитализмом промышленному пролетариату. Однако в Испании большая часть промышленности была сосредоточена в Каталонии, ставшей оплотом анархизма — в результате «кастильским» социалистам приходилось искать поддержки у промышленных рабочих Бильбао. Основной сферой их влияния становился центр Испании и северное побережье, тогда как сторонников анархизма было больше

всего на Средиземноморском побережье, особенно в Каталонии и в Андалусии.

Между 1890-ми и началом 1920-х годов в Испании было много тревожных лет, особенно во время русской и германской революций в конце Первой мировой войны. Наибольшей напряженностью отличалась обстановка в крупных земельных владениях — латифундиях — Андалусии и Эстремадуры, в шахтерских долинах Астурии и Бискайи, в промышленной Каталонии. В Барселоне конца XIX века у фабрикантов-нуворишей принято было хвастаться своим богатством посредством архитектурных излишеств и светского блеска.

Порой цикл насилия — заводской бунт и его подавление — принимал хаотический характер. Тайная полиция, *Brigada Social*, преувеличивая свою роль хранительницы общественного порядка, часто нанимала бандитов для устранения анархистов-*pistoleros* и лидеров забастовщиков. Однако первый всплеск городских бунтов, «трагическая неделя» в конце июля 1909 года в Барселоне, была вызвана не трениями на заводах. Это был побочный продукт колониальной войны в Марокко: там бунтари одного из племен Рифских гор¹ расстреляли колонну солдат, направленную для умирения недовольства работников горной концессии, приобретенной графом Романьонесом, советником Альфонсо XIII. Правительство объявило дополнительный призыв; бедняки не могли откупиться от воинской службы, хуже всего пришлось женатым рабочим². За годы, прошед-

¹ Через десять лет в берберском эмирате Риф, созданном восставшими берберами в Северном Марокко, начнется Рифская война (1921–1926), которая завершится ликвидацией Рифа после совместного наступления испанских и французских войск. (*Прим. ред.*)

² После вооруженных столкновений консервативное правительство Антонио Маура решило направить в Марокко резервистов. В Барселоне это привело к стихийным протестам и к всеобщей забастовке 26 июля — 1 августа 1909 г., когда возводились баррикады, было разрушено и повреждено 42 церкви и монастыря. См.: *Joan Connelly Ullman. La Semana Trágica. Barcelona, 1972.*

шие после неудачи на Кубе, в стране окрепли антимилиитаристские настроения, отсюда внезапная и дружная стихийная реакция в Барселоне на марокканский кризис.

«Молодые варвары», поддерживавшие лидера радикальной партии Александро Лерруса, вышли из-под контроля, их примеру последовали другие. Волнения начались с поджогов церквей, буйство сопровождалось кощунственными выходками, вроде знаменитого инцидента с рабочим, танцевавшим с выкопанным из могилы трупом монахини. Эта волна символического насилия стала реакцией народа, болезненно уязвленного суевериями. Учение испанской католической церкви было неразрывно связано с темными годами Средневековья, духовный авторитаризм наряду с политическими амбициями церковных властей поставили Церковь на одну доску с Гражданской гвардией — и превратили ее в самую крупную мишень для стрел народного негодования.

Беспорядки стоили жизни полудюжине людей, но, когда за наведение порядка взялась армия, дело закончилось бойней. Были схвачены сотни людей, в том числе Франсиско Феррер, основатель либертарной «Свободной школы». Было очевидно, что Феррер не мог иметь отношение к бунту — и тем не менее католическая иерархия оказала давление на власти, заставив их предать своего главного конкурента на образовательной ниве суду. На основании заведомо сфабрикованных улик Ферреру вынесли смертный приговор: его казнь вызвала волну протестов не только в Испании, но и за границей.

После волнений в Барселоне в 1909 году большая часть оппозиции избрала новую стратегию. Это произошло под влиянием французского профсоюзного движения, конечной целью которого была всеобщая стачка и следом за ней — перестройка общества на основе мелкой промышленности и сельского хозяйства. Возникла анархо-синдикалистская Национальная конфедерация труда (НКТ) с отраслевой, а не профессиональной внутренней структурой. Таким образом, испанское движение за свободу изначально состояло из чистых анархистов и анархо-синдикалистов.

Во время Первой мировой войны, приносившей огромные прибыли хозяевам предприятий, рабочие страдали от галопирующей инфляции: с 1913 по 1918 год цены выросли вдвое, тогда как рост заработной платы не превысил 25 процентов¹.

В результате резко выросла численность профсоюзов. К примеру, ряды ВСТ выросли до 160 тысяч человек, в анархо-синдикалистской НКТ к концу 1919 года состояло 700 тысяч человек. Социалистическая партия, ИСРП, быстро выросла до 42 тысяч активистов. Ее руководителям — Франсиско Ларго Кабальеро, Индалесио Прието², Фернандо де Лос Риосу и Хулиану Бестерио — предстояло сыграть важную роль в недалеком будущем. Весьма умеренная католическая Национальная аграрная конфедерация (CONCA) росла главным образом в сельской глубинке Кастилии и Леона. В промышленных центрах она могла надеяться только на набожную Страну Басков³.

Серьезной преградой постепенным реформам в Испании было упорство военного истеблишмента. 160-тысячным испанским войском командовали 12 тысяч офицеров и 213 генералов⁴. Эта раздутая и некомпетентная армия висела на государстве тяжким грузом. Ее роль всегда оставалась противоречивой. Реакционная по сути, она порой видела себя союзницей народа в борьбе с продажными политиками и силой, способствующей национальному возрождению. Низведенная после утраты империи до состояния

¹ См.: *José Luis García Delgado, Santos Juliá* (eds). *La España del siglo XX*, Madrid, 2003. P. 309–311.

² Прието Туэро Индалесио (1883–1962) — один из лидеров Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), журналист. Прието станет морским министром и министром авиации в республиканском правительстве Ларго Кабальеро (1936–1937). (*Прим. ред.*)

³ См.: *Javier Tusell* (ed.). *Historia de España*. 2. *La Edad Contemporánea*. Madrid, 1998. P. 252, 253.

⁴ Цифры за 1915 г. см.: *Julio Busquets*. *El militar de carrera en España*. Barcelona, 1967. P. 37.

прозябающих провинциальных гарнизонов, она активно действовала только в протекторате Марокко — гораздо меньшей, чем у Франции, области этой страны, выделенной Испании на конференции в Альхесирасе в 1906 году. Экономический интерес представляли там только залежи фосфатов; местное население, кабилы, мечтали избавиться от европейского правления. Испанским офицерам, задумывавшимся о карьере, служба в Марокко сулила продвижение по службе вдали от казарменной скуки на родине. Героический дух с налетом мистики — *africanista* — превращал их в испанскую военную элиту; они обретали цель и позволяли себе поглядывать на штатских свысока.

В 1917 году в Испании разразился военно-политический кризис. Возникшие в войсках группы, известные как «хунты обороны», начали с требований улучшения условий службы. Когда же правительство попыталось распустить хунты, их предводители обнародовали манифест, обличавший плачевное состояние армии. Испугавшись нового «пронунсиаменто», консервативный кабинет Эдуардо Дато¹ уступил некоторым их требованиям. Но это натолкнуло некоторых политиков, прежде всего Франсеска Камбо, лидера Каталонской лиги, на мысль использовать возникшую возможность для продвижения конституционных реформ: в этом они видели шанс модернизировать страну и установить реальную демократию. Камбо собрал 19 июля в Барселоне ассамблею политиков, считая это первым шагом к созыву учредительных кортесов — настоящего парламентского представительства.

Одновременно социалистические ИСРП и ВСТ, питавшие схожие иллюзии, увидели в хунтах шанс на перемены. Они призвали к всеобщей забастовке в поддержку своих

¹ Дáто-и-Ирадиёр Эдуáрдо (1856–1921) — политический деятель Испании. Трижды назначался премьер-министром (1913–1915, с июня по ноябрь 1917 и в 1920–1921). С 22 марта до 9 ноября 1918 г. — министр иностранных дел. В разное время также занимал посты министра иностранных дел, юстиции (дважды), флота, внутренних дел, а также был президентом кортесов. (*Прим. ред.*)

требований созыва учредительных кортесов. Дато распустил парламент и отменил конституционные гарантии. 13 августа началась стачка в Мадриде, Барселоне, Бильбао, Сарагосе, Овьедо, в шахтерских районах Астурии и Андалусии. Но хунты обороны не только отказались поддержать революцию: их члены приняли участие в подавлении забастовок. 72 человека погибли, 156 человек были ранены, 2 тысячи арестованы. В Астурии, где забастовка затянулась на месяц, генерал Рикардо Бургете и молодой майор Африканского корпуса Франсиско Франко возглавили репрессии, не гнушаясь пыток. Все это было тренировкой гораздо более серьезного выступления в 1934 году, в подавлении которого генералу Франко предстояло сыграть ведущую роль. Суд в Картахене приговорил руководство социалистов к пожизненным срокам, Камбо не пострадал.

Одним подавлением нельзя было избавиться от нараставших в конце Первой мировой войны социальных проблем. Население росло благодаря главным образом снижению детской смертности, города переполнялись из-за внутренней миграции из нищающей деревни, мужчины и женщины искали работу в условиях роста безработицы. Церковь уже не могла удерживать под своим контролем население, однако политики у власти отказывались признавать необходимость перемен. Они не знали или не желали знать, как перейти от «олигархического либерализма к всеобщей демократии»¹. Их взгляды сравнительно мало поменялись с тех пор, как столетие назад Фердинанд VII назвал Испанию бутылкой с шампанским, а себя пробкой, мешающей бурному выплеску содержимого.

С концом Первой мировой войны и прекращением экспортного бума рабочие стали воинственнее. Известия из России внушали левым надежду: шли разговоры о том, что революции вот-вот подожгут Европу с двух концов. 1918–1920 годы, когда в Андалусии не прекращались восстания, а в Барселоне шла упорная борьба, получили название

¹ Santos Juliá (ed.). *La España del siglo XX*. Madrid, 2003. P. 18.

Научно-популярное издание

Энтони Бивор
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В ИСПАНИИ
1936–1939

Выпускающий редактор К. Суворова
Редакторы А. Рыжов, В. Леонтьев
Технический редактор Л. Синицына
Корректоры О. Левина, Н. Соколова,
Т. Филиппова, Т. Дмитриева
Компьютерная верстка Т. Коровенковой

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

18+

Подписано в печать 13.11.2017. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура «OriginalGaramond».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,0.
Тираж 3000 экз. В-НМА-20325-01-Р. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru